

РАССКАЗЫ

СМЕРТЬ СТАРИКА

Старику снился сон.

В трюме корабля пахнет машинным маслом и горячим металлом, тусклое освещение, что-то кричит ему чумазый механик Михалыч, блестят взад-вперед мощные шкивы и шарниры. Бум-бум, бум-бум, бум-бум.

Он капитан. Он ведет свой колесный буксир из затона. И вдруг — удар! Это — корабль садится на отмель. Он не видит, как падает Михалыч — он просыпается. И «бум-бум, бум-бум» — это не машина, а сердце так бухает. И корабль на мель, это — не корабль, а сердечко что-то забарахлило — вот и проснулся.

Землечерпалки все старые китайцам продали, а на новые денег жалко.

Сто лет назад заботились о реке, не давали ей заилиться, с весны до осени дноуглубительными снарядами фарватеры обустроивали, а сейчас... Да разве подпорные дамбы помогут, если в водохранилищах все дно тиной зальнуло, а родники и речки на глазах умирают.

Старик посмотрел на часы, понял, что больше не уснет и надо вставать. Он уже три года жил один в трехкомнатной квартире, с тех пор, как похоронил свою старуху. Дети предлагали съехаться, но мысль о продаже квартиры, жилья, где прожил почти всю сознательную жизнь, приводила его в состояние близкое к отчаянию, и старик не мог этот вариант даже обсуждать. Да и покинуть дом, в котором все соседские были как родные, походило на предательство.

Звали дети его жить к себе: благо у них отдельный дом-коттедж почти в центре города, и комнат в нем хватает. Так проще, в случае чего, присмотреть за стариком, а квартиру можно сдавать. И вроде бы все решили, и старик переехал к детям, прожил с неделю. Но когда образовались потенциальные квартиранты, пожелавшие осмотреть его жилплощадь, чтобы снять ее на довольно длительный срок, и старик услышал, как будут выброшены на помойку и его фотографии, и его книги, и его кресла с диванами, он просто покачал головой и сказал: «Я буду жить здесь». Он не мог своими руками разорить гнездо, построенное его старухой. И дети поняли, что убедить старика еще раз им не удастся.

Солнышко в окно светило ярко и даже припекало. Сегодня праздник — дети в гости пригласили. Поздняя в этом году Пасха. А вот сегодня Вербное воскресенье, и задумал еще раньше старик самостоятельно нарезать вербы, благо она

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горький. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

уже распустилась, и местечко он подглядел: между гаражей, рядом с заброшенным стадионом «Водник». Когда-то на нем проходили чемпионаты страны по конькам, бегали герои: Евгений Гришин, однорукий Матусевич. А сейчас — стыдоба: дорожки порушены, на газоне полынь вымахала, скамеечки деревянные все бомжами на костры пущены, одни столбики бетонные торчат.

Хотя что в такой день о грустном. В такой день о добром хочется думать — о подарках. А лучше подарка в Вербное воскресенье, чем букетик вербы, не придумать. Хотя для внучонка Федьки у него есть машинка в коробочке, давно уже прикупил, а старшей Катеньке есть бусики малахитовые, бабушкины: пора — ей уже тринадцать лет.

Старик проглотил утренние таблетки, побрился, достал чистую белую рубашку, съел творожный сырок с чашкой теплого некрепкого чая. Потом он долго искал и не нашел свой старый перочинный ножик, пришлось взять столовый.

Вербу было видно из-за забора, и ее пушистые зачата, выскочившие из почек, уже дразнили, но добраться до нее было нелегко. Зима здесь задержалась, и сугроб между гаражами, по которому надо было добираться до куста вербы, был очень глубоким, снег тяжелым, водянистым и рыхлым. Старик полез, проваливаясь по колено, часто останавливаясь и отпыхиваясь.

Бум-бум, бум-бум! Это сердечко, там пять железяк торчат, стенты. Только на таблетках оно теперь и держится. Профессор в клинике сказал, что приматы вообще живут до сорока, а остальное — химия! И все же интересно: на какую отмель я во сне наскочил! Если шел на колесном буксире, значит, это — год шестьдесят пятый, может, пониже Васильсурска? Чебоксарской ГЭС еще не было, а отмелей там было всегда больше чем достаточно. А впрочем, не мель это была, а сердечко!

Вылазка за вербой оказалась удачной: нарезал целый букет, на удивление красивый. Но пришлось идти домой и прилечь на полчаса, отдохнуть. Лежал на диване. Солнечные лучи пробивались через окно и радовали, наполняя комнату, запыленную старыми вещами и убегающими воспоминаниями, ожиданием весны. Да каким ожиданием — весна пришла.

В гости пошел через сквер, в котором стоял храм во имя Святых Петра и Павла: хотелось освятить вербочку. В советские времена храм был закрыт. В помещении расположился детский кинотеатр «Пионер», и старику без труда вспоминалось, как в послевоенные годы они с мальчишками бегали смотреть по нескольку раз «Тарзана» с легендарным олимпийским чемпионом красавцем Джонни Вайсмюллером в главной роли. В фойе стояла большая, двухметровая, покрашенная белой эмалевой краской фигура легендарного пограничника Карацупы с его верной овчаркой Индусом. Карацупа был героем: он лично застрелил сто пятьдесят шпионов, а триста задержал живьем; и почти все мальчишки тогда хотели стать пограничниками.

Рядом со статуей на лавочке сидела бабушка и рассказывала перед сеансом ребятам сказки. Может быть, это была бывшая учительница, и, может, не такая уж она была и старая, но одета была так и так себя подавала, что для мальчишек, конечно, сразу становилась бабушкой. А вот как ее звали, не вспоминается.

На последнем вечернем сеансе двери из сквера в зрительный зал не закрывались, и заходила туда молодежь без билетов, чтобы в темноте пообниматься да нацеловаться всласть. Глупые, но приятные воспоминания.

Теперь храм восстановили, освятили, и службы в нем идут регулярно. Но старик к вере так и не обратился — поздно, не получилось. Хотя пробовал. Вокруг храма все теперь вычищено, благоустроено, и памятник механику-самоучке Кулибину, чьим именем скверик назван, приятно смотрится.

Старик вошел в храм, перекрестился, отыскал взглядом прилавок со свечами и подошел

— Матушка, дай мне две свечки по пятьдесят рублей, — старик протянул сотенную бумажку, а другую сотенную просунул в ящичек с надписью «На восстановление храма», — И подскажи мне, пожалуйста: как мне освятить вербочку мою?

— Ты, батюшка, опоздал, служба-то в двенадцать закончилась, и отец Михаил уже пошел переодеваться. А ты возьми нашу, уже освященную, вон — в ведре стоит.

— Нет, матушка. Мне эту надо освятить, я ведь за ней сам ходил! — хотел старик сказать, что лазал, да слукавил.

— Тогда положи ее на аналой и помолись. Здесь ведь сегодня все святое. Батюшка Михаил и окропил, и покадил все старательно. Хорошая служба была, и народу было много.

И тут откуда-то сбоку, из неприметной дверки вышел в зал молодой мужчина в демисезонном пальто, улыбочивый, с небольшим полиэтиленовым пакетом в руке и с шапкой под мышкой.

— Тетка Вера, поддержи, — обратился он к женщине за прилавком, а сам подошел к самому амвону, что-то там стал разглядывать или молиться.

— Вот он, наш батюшка, отец Михаил, — шепотом сообщила старику тетка Вера, отвечавшая за свечную торговлю, — спроси у него.

В тот момент батюшка, раз это был он, перекрестившись на Царские врата, вернулся к прилавку.

— Батюшка, отец Михаил, — обратился к нему старик, — сходил я, нарвал вербочки, лазал по сугробам и хочу сейчас внучат своих навестить, поздравить их с праздником, а освятить-то и опоздал. Как мне быть? Может, поможете?

— А ты сам-то в храм ходишь ли?

— Нет. Редко. Лоб крещу, а молитву только одну выучил. Ну, думаю, что у внучат все лучше будет, чем у нас было, в этом плане.

— Что же ты поздно пришел? Я уже переоделся.

— А что, в цивильном-то нельзя?

— Да можно, конечно. Давай свой букетик.

Батюшка скинул пальто на прилавок к тетушке Vere и скрылся где-то в углу храма через ту самую неприметную дверку. По крайней мере, старик даже не заметил как. Ждать пришлось почему-то долго. Тетка Вера даже усадила старика на стул. Батюшка вернулся снова, улыбаясь.

— Ну вот, дед, держи, — все освятит, тебя благословляю, и твоим внучатам благословение мое передай. И вот еще образок возьми.

Батюшка почти сунул в руку старику бумажную иконку: Иисус ехал на осле. Правильно: ведь Вербное воскресенье это и есть въезд Господа нашего в Иерусалим, — сообразил старик.

На улице старику стало не по себе: не то чтобы плохо, но голова закружилась. Может — от солнышка? Он шел вдоль скамеек, на которых сидели старухи и нищие, раздавая им всем по монетке, специально взял дома из коробки, куда ссыпал мелочь из карманов. Около последней скамейки он остановился передохнуть, а потом и сел, сняв свою капитанскую фуражку без кокарды.

«Надо какую-нибудь палку или клюшку купить. Говорят, с палкой легче ходить. С другой стороны, как-то стыдно: почтенный, но вполне еще мужской возраст», — подумал про себя.

Мимо шли люди, но в голове стоял туман, и никак не фиксировалось происходящее рядом. Проходила молодежь, веселая, крикливая, уверенная:

— Что, полковник, кокарду-то с советским гербом снял с форменной фуражки? Стыдно, что ли, стало? Не стыдись, мы гордимся вами, стариками. Вот тебе, купи себе на барахолке настоящую кокарду, заслуженную, нацепи и носи, — молодой парень остановился около старика, пошарил в заднем кармане, вытащил тысячерублевую купюру и небрежно бросил ее в лежащую на скамейке фуражку старика.

— Храни вас Господь, — прошептал старик, но получилось как-то неуклюже.

Шел по главной аллее парка. Дымились среди вековых лип костерки из собранных в кучи прошлогодних полуистлевших листьев. Почему-то вновь стало легко дышать, слышался смех ребятишек, грациный истошный весенний грай. Дальше ехал на трамвае.

Дома были только внучата, сын с невесткой ушли в магазин, вот-вот придут. Старик вручил подарки своим Фedyке и Катеньке, пришел памятку, похлопав вербными прутиками по рукам и спине своих внучат. Фedyка все хвастал, что научился букву «р» выговаривать, и демонстрировал, Катенька совсем девушкой стала: засмушалась, бусики в ладошки сгребла, деда в щеку чмокнула и убежала.

Старик устроился на диване дожидаться старших детей.

Когда те вернулись с покупками, старик сидел на диване и, казалось, спал со счастливой улыбкой. Рядом лежала его перевернутая фуражка с иконкой и тысячерублевкой внутри.

— Папа! — тронула его невестка за плечо.

Старик повалился.

ГУБЫ РУСАЛКИ

Эту тайну я ношу в себе уже пятьдесят лет. И не делился я ей не потому, что в ней есть что-то постыдное или порочное, запретное или заповедное, — нет, просто рассказывать ее не интересно было: и не поверят, и засмеют, или просто не придадут того значения, которое она имеет для меня или имела.

Давным-давно, когда мне было лет двенадцать-тринадцать, отдыхали мы летом с родителями на какой-то турбазе, где-то на Оке, то ли на Кусторке, то ли в Чулково. И наладил я там ловить красноперок в местном проточном озере. Рыбки были крупненькие, жирненькие, я их солил в эмалированной кастрюле с отломанной ручкой и развешивал вялиться на солнышке.

Озеро было лесное, но довольно большое. Находилось оно в паре километров от турбазы, и купаться в нем из-за коряг было не очень, и все ходили купаться на Оку, где заодно можно было поваляться на золотом песочке. Зато рыбы разной было в том озере предостаточно, и добежать мне до него было десять минут. Пользовался я без зазрения совести чьим-то бесхозным ботником, запрятанным в прибрежную осоку и привязанным пеньковой веревкой к корню упавшей ивы. Точнее, это был не ботник: ботник — это же долбленка, а тут была довольно вместительная плоскодонка. И конечно, она была не бесхозная — хозяйин у нее, конечно, был, просто я о нем не думал, а потому и не заморачивался.

Удочку мне соорудил батька — раздобыл у кого-то из местных и леску, и крючок, и пробку для поплавка. С вечера я брал в столовке пару кусков ржаного хлеба, заходил на кухню, капал в хлеб подсолнечного масла из чьей-нибудь бутылки и, размяв его в приличный и ароматный ком, засовывал в карман. Утром вставал с восходом солнышка, и два-три часа до завтрака были мои.

Иногда я и окуней ловил, но для этого надо было идти в деревню, чтобы на-копать навозных червей, а красноперку — можно на хлеб. К тому же красноперок приятнее и интереснее ловить — конечно, когда они ловятся. Гребнешь веселком пару раз, встанешь среди кувшинок и лилий белых, привяжешься концом пеньковым к листочкам водорослей, чтобы ветром не сносило, и такое напряженное ожидание охватывает и предвкушение.

Вот тогда-то та странная история со мной и произошла, которая смущала меня потом всю жизнь. Скатал я из хлебного мякиша катышек в пальцах, насадил его на крючок, закинул и сажу. А сам тем временем руку в воду опустил и тру пальцы, чтобы остатки хлебные смыть, и тут чувствую, что меня что-то за палец трогает. Сам я, конечно, в этот момент следил за поплавком, но, почувствовав прикосновение, отвлекся, глянул и увидел, как мой палец целуют или облизывают красивые женские губы. Полные такие и довольно твердые, я это прямо почувствовал. И цветом они были холодные и бледные, точнее — бледно-голубые и бледно-розовые одновременно.

Я понял, что это — русалка. Постаравшись не испугаться и не напугать ее, вещички я быстренько свои собрал, удочки смотал и погреб домой. Про этот случай я никому не рассказывал. Через день кончилась наша смена на турбазе, уехали мы с родителями домой, и забыл бы я про свою русалку.

Но судьба моя сложилась потом так, что постоянно мне приходилось сталкиваться с разной нечистью и в прямом, и в переносном смысле. Пока учился я, подрабатывал охранником в сумасшедшем доме — вот уж насмотрелся да наслушался разных фантазий! Потом дипломная работа в институте была у меня по глухой домовой резьбе, а там опять все эти берегини, фараонки да русалки. А по работе пришлось помогать людям бороться и с полтергейстами, и с приведениями, и с прочей дрянью. Потому и книги-то в домашней библиотеке стали странные такие подбираться: Чулков «Абвега русских суеверий», или Максимов «Нечистая, неведомая и крестная сила», или Афанасьев «Поэтические воззрения древних славян на природу», или уж вообще — пятитомник Шафарика «Славянские древности», вышедшие в Праге в первой половине девятнадцатого века.

Про тот случай с русалкой я никому не рассказывал, и не потому, что чего-то смущался или боялся — просто я забыл про него. А вот рассказы посторонних, ну и знакомых, да и близких мне людей про домовых и банников, лесовиков и кикимор я люблю слушать. И конечно, не надо мне объяснять, да и я объяснять никому не собираюсь, что стирать грязное белье в озере или в речке нельзя, и выливать нечистоты туда нельзя, а уж бить палкой воду или ночью купаться — вообще дурь несусветная. Для этого и умницу Пушкина не надо вспоминать, у которого Балда веревку запустил в озеро, чтобы чертей мучить.

Правда, одну странность с годами я стал в себе замечать: не люблю я купаться, хотя и на Волге вырос. Полежать на песочке, погреться, позагорать — могу, и с удовольствием! А вот в воде мокнуть — не хочу! Ну, бывает — в речку в жару окунуть или в море за компанию залезу поплескаться и морской водой пополоскать носоглотку для здоровья. Но в озеро, где ила по колено, и коряги, и водоросли, меня не заманишь!

Прошло много лет: наверное — пятьдесят, и пришлось мне вспомнить ту детскую встречу на озере с моей русалкой, поцеловавшей мне пальцы. Ловили мы как-то окуней с моим семилетним внучком Максимом в таком же лесном озере, каких тысячи в наших краях. И высоченные темные ели наклоняются так же над водой, и белые лилии с желтыми кувшинками радуют глаз, и окунь клюет бодро,

и ручей довольно широкий впадает в озеро. Зеркало воды изредка покрывается мелкой рябью, и тогда солнце дробится, отражаясь, и слепит глаза голубыми, зелеными и розовыми осколками.

Только лодка у нас уже цивильная, резиновая и удочки легкие, современные, из композитных материалов.

Сидим мы, на поплавки посматриваем, обсуждаем перспективы «Арсенала» на текущем чемпионате Англии. Середина июня, жарко, время к полудню, и тут Максимка вдруг мне говорит:

— Дед, а что это там в носке плещется так здорово в воде?

Я посмотрел в дальний конец озера, куда показывал внук. Там происходило что-то необычное: непонятно кто, очень крупный, довольно периодически, раз в минуту, поднимал в воздух высокий и очень объемный столб воды, брызгами разлетающийся по сторонам.

— Наверное, это медведь рыбу ловит, — попытался я отшутиться от Максимки, продолжая всматриваться в носок озера, где сквозь заросли камыша и осоки впадал лесной ручей. К этой моей шутке присоединялась доля тревоги: я знал, что в ближайшем охотничьем хозяйстве в прошедшую зиму было зафиксировано одиннадцать медвежьих берлог.

Спустя некоторое время мы с Максимкой смогли проанализировать происходящее и понять, что фонтан брызг возникает всегда в одной точке, и потому, скорее всего, это бобер попал в поставленную браконьерами рыбацкую сеть. Хотя за двести метров, глядя против солнца, ни медведя, ни бобра, ни еще кого-то разглядеть с достоверной точностью мы не могли.

— Максим, — сказал я внуку, — если это бобер запутался в сетях, надо его спасать.

Мы смотали по-быстрому удочки, и я торопливо погреб к точке непонятного для нас явления. Приблизиться к устью ручья мы не смогли: отмель, нанесенная ручьем, была огромной, и на очень большом пространстве глубина была не больше двадцати сантиметров. Мы уткнулись в эту отмель и поняли, что дальше не продвинемся. Но этого было достаточно: на площади в сто квадратных метров прямо перед нами разыгрывалось невероятное зрелище.

Полтора или два десятка огромных рыбин в метр длиной, с толщиной туловища не меньше трехлитровой банки, выпирая из воды на пять, а то и десять сантиметров, кружили по отмели, насакивали друг на друга, выпрыгивая при этом иногда в воздух. Их спины рассекали воду мощно, и нам хорошо была видна отливающая розовым чешуя, размером с юбилейную рублевую монету. Несколько раз они наткнулись на нашу лодку, и мы чувствовали, как они сильны и как они заняты своим делом. Это был нерест: рыбины метали икру.

Мы с внуком с изумлением минут двадцать наблюдали этот рыбий фестиваль. Казалось, что мы им совершенно не мешаем и они на нас никакого внимания не обращали. Молча, совершенно ошарашенные, мы возвращались домой. Вопросов было много.

Не доехав до дома моего товарища, к которому мы приехали в гости на рыбалку, я заскочил к местному браконьеру и бывшему егерю, которого хорошо знал не только я, но и весь район. (Место, в смысле район и деревню, я умышленно не называю, чтобы было неповадно туда поехать любителям фантастической рыбалки.) К счастью, мой браконьер был дома, и ковырялся он в разобранном на составные части подвесном моторе.

— Коля, — обратился я к нему, — расскажи нам с Максимкой, что мы сейчас видели? Браконьер Николай с любопытством посмотрел на нас.

— Что, на пруду были?

— Да.

— И видели?

— Мы всё видели. Это фантастика! Но мы ничего не поняли. Это что — карпы?

— А чего тут понимать? Это — не карпы. Это — сазаны, у сазанов мясо красное, как у говядины. У них — нерест. Они нерестятся один день в году. Вам повезло. Завтра их уже никто не увидит. И не поймает. И кто только и как только не пытался их словить — ничего не получается. Их в пруду штук тридцать-сорок таких больших. Вон во двор пошли.

Николай открыл ворота, и мы вошли в крытый двор. Посреди на дощатом полу лежала крупная рыбина, почти с метр длиной. Она еще шевелила жабрами.

— Так ты ее только что поймал? Как?

— Только что! Я видел вас на лодочке на другом конце пруда. Вилами я его вон из кучи навозной достал, в сапогах болотных по колено зашел и ткнул. Я каждый год одного беру, больше не надо. В нем девять с половиной килограмм. Чуть-чуть до десяти не дотянул.

Максимка тем временем подошел к рыбине и открыл у нее рот. И тут я вновь увидел эти губы! Те губы — губы моей русалки, которые меня трогали пятьдесят лет назад: большие, женские, сочные, фарфоровые, чуть голубые и чуть розовые.